

ЗНАНИЕ ОТЧАСТИ И САМОПОЗНАНИЕ 1 КОР. 13, 12.

„Теперь узнаю отчасти, тогда же познаю такъ, какъ и (самъ) познался я (=позналъ себя=познаюсь=познаю себя)“.

Въ 1 Кор. 13, 9—12 Ап. Павелъ желаетъ дать возможно наглядное и общеубѣдительное представленіе о различіи теперешняго нашего знанія отъ будущаго, когда изъ смертнаго и плотяно-душевнаго тѣла человѣческаго, по разложеніи его въ землѣ, произрастетъ тѣло безсмертное и духовное, причемъ послѣдній врагъ упразднится (для человѣка и его Спасителя Христа) смерть и Самъ Сынъ подчинится Подчинившему Ему все, такъ что будетъ Богъ все во всемъ (1 Кор. 15, 27—28, 35—57).

Это различіе Апостоль, по обычаю, выражаетъ сначала въ общемъ положеніи или темѣ, а потомъ ближе и частнѣе раскрываетъ въ трехъ наглядныхъ поясненіяхъ.

Тема выражена такъ: „отчасти (вѣдь) мы знаемъ (и отчасти пророчествуемъ), когда же настанетъ совершенство, (тогда) это отчасти упразднится“ (ст. 9), т. е. вмѣсто теперешняго „частичнаго“ знанія (*ἐκ μέρους*) настанетъ знаніе „полное“ или „совершенное“ (*τὸ τέλειον*).

Чѣмъ же должно различаться отъ теперешняго „отчасти“ и въ чемъ можетъ состоять это будущее „совершенство“ или „полнота“ знанія человѣческаго?

На этотъ вопросъ Апостоль отвѣчаетъ въ слѣдующихъ трехъ поясненіяхъ, по мысли Апостола — общепонятныхъ, общеизвѣстныхъ и общеубѣдительныхъ.

Первое — *рѣчь, думы и разсужденія младенца и взрослою мужа*: „когда я былъ младенецъ,—говорилъ какъ младенецъ, разсуждалъ какъ младенецъ; когда жъ сталъ мужемъ я,—

упразднилъ младенчество свое“ (т. е. рѣчи, помыслы и разсужденія младенца). Для каждаго читателя посланія, будетъ ли то коринейянинъ апостольскаго вѣка или нашъ современникъ, вполне понятно и безъ труда можетъ быть провѣрено это разъясненіе Апостола. Вѣдь каждый взрослый мужъ былъ и младенцемъ, каждый по себѣ самому знаетъ и на другихъ легко можетъ провѣрить разсужденіе Апостола. Такимъ образомъ, Апостольство основывается на *самосознаніи* и *непосредственномъ опытѣ* каждаго человѣка, представляемаго имъ, какъ нерѣдко, въ своемъ собственномъ лицѣ. Знаніе будущее, говоритъ Апостоль, стоитъ къ настоящему въ такомъ же отношеніи, въ какомъ возмужалость находится къ младенчеству. Это—не другое какое-либо новое и прежнему *существенно* - противоположное или ему совершенно чуждое состояніе, напримѣръ, чисто-духовное въ отличіе отъ тѣлесно-духовнаго или переходъ духа въ другой (нечеловѣчскій) образъ тѣлесности, но это—только развитіе болѣе совершенной и *духовной тѣлесности* изъ теперешней плотяности и душевности, соотвѣтственно чему и знаніе человѣка достигнетъ высшей степени глубины, широты и ясности. Теперешнее знаніе человѣка по сравненію съ тогдашнимъ будетъ тѣмъ же, чѣмъ лепетъ и представленія ребенка являются предъ разумомъ и понятіями взрослого человѣка, азбука—предъ наукою, грамотность—предъ творчествомъ, ученье—предъ знаніемъ.

Второе—зрѣніе предметовъ чрезъ зеркало гадательно, и видѣніе ихъ лицомъ къ лицу: „смотримъ вѣдь теперь чрезъ зеркало въ загадкѣ, тогда жь—лицомъ къ лицу“ (ст. 12). Разъясненіе—опять вполне наглядное, общепонятное и доступное провѣркѣ каждаго. Вѣдь всякій знаетъ, что въ зеркалѣ только *отражается* и притомъ лишь *внѣшній образъ* предмета, а не самый предметъ въ его существѣ и внутренней природѣ (даже животныя умѣютъ отраженіе предмета отличать отъ самого предмета). Поэтому *отраженіе въ зеркалѣ* даетъ только возможность *гадать*, заключать и предполагать о предметѣ, а не видѣть самый предметъ *лицомъ къ лицу*. Зеркало, напримѣръ, отражаетъ человѣка. Но это—не самъ человѣкъ, его духъ, тѣло, мысли и чувства, но только—тѣнь человѣка, отраженіе свѣтовыхъ волнъ отъ его внѣшняго облика. Чтобы *знать* этого человѣка, надо видѣть не

внѣшній только обликъ его въ зеркалѣ, но стать съ нимъ въ непосредственное общеніе, лицомъ къ лицу. Въ отношеніи къ духовному и душевному состоянію человѣка мысль Апостола совершенно ясна для cadaго. Въ душевномъ состояніи человѣкъ только узнаеть и угадываетъ, чрезъ посредство внѣшнихъ органовъ чувствъ и умозаключеній, тайны бытія по отраженію божественной дѣйственности (идей и силъ божественныхъ) въ плотяно-чувственной формѣ видимаго міра, какъ въ зеркалѣ. Онъ смотритъ на тѣни и образы божественной дѣйственности и по нимъ уже гадаеть о невидимомъ существѣ Самоистины (Римл. 1, 19—20). Но когда изъ душевности перейдетъ человѣкъ въ духовность и изъ-подъ плотяной земляности вырастетъ на просторъ духовной небесности, тогда разобьется это зѣрало, онъ увидитъ истину лицомъ къ лицу, чистымъ сердцемъ узритъ Бога и дивную красоту божественной жизни будетъ созерцать непосредственно въ ея Самонсточникѣ.

Среди этихъ вполне ясныхъ и личному опыту cadaго доступныхъ, а потому совершенно объективныхъ и неотражимыхъ, разъясненій тѣмъ неожиданнымъ встрѣтитъ *третье*, если понимать его въ общепринятомъ толкованіи: „теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно какъ я познаю“ (Русскій Синодскій переводъ),—или Славян: „нынѣ разумѣю отчасти, тогда же познаю, якоже и познаю быхъ“, при чемъ подразумевается субъектъ при страдательномъ: „Богомъ“ или „отъ Бога“. Въ подлинникѣ: ἄρτι γινώσκω ἐκ μερὸς, τότε δὲ ἐπεγνώσκει καθὼς καὶ ἐπεγνώσθη, — варианты: γινώσκει — только К—Моск. Сив. Библ. 9 в. и εἶπω приб. предъ ἐπεγνώσθη F gr Кембр. 9 в. G Дрезд. 9 в. d лат. Кларом. 6 в. (опуская et),—e лат. Петерб. 9 в. и Кипр. Hart. 1, 155, 8 въ мн. кодд. см. примѣчаніе подъ чертою,—D gr* Кларом. 6 в. καθὼς καὶ ὁ ἐπεγνώσθη, гдѣ ὁ есть ошибка, можетъ быть описка вмѣсто εἶπω. Первый вариантъ конечно не имѣеть значенія. Противъ втораго всѣ авторитеты, притомъ въ экзегетическомъ отношеніи онъ ничтоженъ, такъ какъ это εἶπω не можетъ указывать непремѣнно на личный случай съ Ап. Павломъ (его обращеніе въ христіанство), въ виду наприм. Римл. 7, 9. 13. 14. 17. 20. 21. 23. 24. 25,—Гал. 2, 19. 20,—1 Кор. 10, 29—30 др. под.

Въ чемъ же будетъ состоять разъясненіе?

Принимая *ἐπερνώσθη* въ страдательномъ значеніи и прибавляя къ нему субъектъ дѣйствующій *ὕπὸ τοῦ θεοῦ*—отъ Бога или Богомъ, толкуютъ изреченіе двояко, смотря по тому, въ какомъ смыслѣ понимаютъ аористъ *ἐπερνώσθη*. Одни, какъ и славянскій (познанъ *быхъ*), берутъ въ значеніи прошедшаго историческаго и видятъ указаніе на событіе обращенія Апостола въ христіанство, когда онъ, на пути въ Дамаскъ, *быль познанъ Богомъ* и призванъ былъ Христомъ къ вѣрѣ и апостольству.

Но при такомъ толкованіи вмѣсто ожидаемаго и соответственнаго прежнимъ двумъ, объективно - яснаго различія между теперешнимъ и тогдашнимъ знаніемъ человѣка, получается нѣчто въ высшей степени субъективно - личное, интимное, одного только Апостола Павла касающееся и только его личному опыту извѣстное, слѣдовательно основывающееся не на провѣркѣ со стороны читателя и его опыту доступное, но требующее довѣрія къ Апостолу и гаданія о его знаніи знанія Божія о немъ. Кромѣ того, такое толкованіе теряетъ изъ виду всякую связь разъясненія съ разъясняемымъ предметомъ. Апостолъ въ такомъ случаѣ говоритъ, что кромѣ указанныхъ уже двухъ совершенно наглядныхъ различій между теперешнимъ и будущимъ знаніемъ человѣка есть еще третье, именно такое: теперешнее наше знаніе есть только частичное и „отчасти“, напротивъ тогда человѣкъ будетъ познавать или познаетъ также, какъ Богъ позналъ Апостола Павла, призвавъ его чрезъ Христа на служеніе Себѣ. Строй и характеръ разъясненій Апостола разрывается вставкою чего-то таинственнаго даже и для самого Апостола,—чего-то неяснаго, недоступнаго опыту и провѣркѣ всѣхъ, какъ два предшествующія разъясненія. Очевидно, такое разъясненіе было бы вообще не въ обычаѣ Апостола и не соответствуетъ строю разсужденій его по данному предмету и въ данномъ мѣстѣ.

Другіе принимаютъ аористъ въ неопредѣленномъ (настоящемъ) времени или гномическомъ значеніи, чему вполне благоприятствуетъ сравнительный союзъ *καθώς* и употребленіе аориста у новозавѣтныхъ писателей (Іоан. 15, 6 *ἐὰν μὴ τις μένη ἐν ἐμοὶ ἐβλήθη ἔξω... καὶ ἐξηρανθή, καὶ συνάρονσιν... καὶ... βάλλουσι καὶ καίεται*,—ст. 9 *καθὼς ἠγάπησέν με ὁ πατήρ, καὶ γὰρ ἐμὰς ἠγάπησα*,—8, 28—29: *καὶ ὁ πέμψας με μετ' ἐμοῦ ἐστίν. οὐκ*

ἀφ᾽ ἑνὸς με μόνον,—13, 31—32: *ἄνθρωπος ἐδοξάσθη... καὶ δοξάσει*,—1 Иоан. 2, 27: *διδάσκει... καὶ καθὼς ἐδίδαξεν*,—Марк. 3, 21 *ἐξέστη* ср. ст. 21. *Βεελζεβοὺλ ἔχει*,—Иуд. 14; Апок. 10, 7,—въ сравненіяхъ Матѳ. 13, 44: *εὐρῶν—ἐκρυψεν καὶ—ἀπάγει καὶ πωλεῖ* ср. ст. 46. 48 Іак. 1, 11. 24,—1 Петр. 1, 24 изъ Иса. LXX 40, 7,—ср. Паст. Ермы Vis. III, 12, 2: *κατελείφθη—ἐξηγήθη—ἐνεδέσαστο—οὐκέτι ἀνάκειται ἀλλ' ἔστηκεν* κтл. 13, 2: *ἐπελάθετο—προσδέχεται* κтл,—и въ частности у Ап. Павла: 1 Кор. 7, 28: *ἐὰν γαμήσῃς, οὐχ ἡμεῖς καὶ ἐὰν γήμῃ οὐχ ἡμεῖς*,—8, 2: *εἰ δέ τις δοκεῖ ἔργω κέναι τι, οὐκ ἔργω καθὼς δεῖ γινῶναι*,—о Богѣ 2 Тим. 2, 19: *ἔργω Κύριος* и Римл. 8, 29—30: *προέργω—προώρισεν—ἐκάλεσεν—ἐδικαίωσεν—ἐδόξασεν* (Blass, Grammatik des Neutestamentlichen Griechisch, 2 Aufl. 57, 9 S. 198; ср. Іов. 6, 17: *καθὼς—οὐκ ἐπεγνώσθη—οὕτως καὶ ἐκατελείφθη—ἀπώλουμεν—ἐγενόμεν*,—сюда же можно въ качествѣ иллюстраціи отнести вариантъ въ кодексѣ С 5 ст. и у древнихъ христіанскихъ писателей къ Матѳ. 11, 17 *ἔργω*—аористъ вмѣсто настоящаго *ἐπιγινώσκει*). При этомъ первое лицо глагола берется въ примѣрномъ значеніи, какъ нерѣдко у Ап. Павла (ср. выше),—и здѣсь же въ первомъ разъясненіи („когда я былъ младенцемъ...“). Переводъ будетъ такой: „тогда же познаю такъ, какъ и я познаю или познаюсъ Богомъ, или: какъ Богъ познаетъ человека“.

Но и при такомъ толкованіи разъясненіе Апостола не имѣетъ надлежащей силы, общепонятности и наглядности. Возникаетъ необходимый и неразрѣшимый вопросъ: какое же познание Богъ имѣетъ о человѣкѣ? Съ библейской, и въ частности Павловой точки зрѣнія, ближайшаго и яснаго отвѣта на этотъ вопросъ не можетъ быть дано. Въ томъ же посланіи выше Апостоль въразительно утверждаетъ, что „Божіаго никто не знаетъ, кромѣ Духа Божіа... ибо кто позналъ умъ Господень“ (2, 11. 16 ср. Римл. 11, 34 изъ Иса. 40, 13; Иоан. 1, 18; 6, 46 др.). О днѣ и часѣ второго пришествія Христова не знаютъ даже Ангелы и Сынъ (Матѳ. 24, 36; Марк. 13, 32). Приходится поэтому довольствоваться лишь общимъ и отвлеченнымъ понятіемъ *совершенства* познанія Бога о человѣкѣ, какъ частнаго проявленія совершенствъ Верховнаго Существа. Но тогда Апостоль ничего бы не сказалъ новаго въ этомъ третьемъ предложеніи сравнительно съ темою,—онъ только повторилъ бы тему, но въ менѣе понятномъ выраже-

ніи („какъ и Я познавъ“ вмѣсто: „совершенно“). Такое явленіе—совсѣмъ не въ характерѣ психологіи разсужденій Апостола. Да и могъ ли Апостоль думать, что его Коринскіе читатели, не посвященные въ логическія и метафизическія тонкости раввинской теологіи, поймутъ такой необычный для грековъ оборотъ для совершенно простаго и въ темѣ уже выраженнаго понятія „совершенства“. Наконецъ, и теологически Апостоль не могъ сказать, что тогдашнее человѣческое познаніе будетъ совершенно, въ какомъ бы то ни было отношеніи, какъ совершенно познаніе Бога о человѣкѣ. Какъ со стороны объема, такъ и содержанія, а равно и качества,—познаніе человѣка всегда будетъ безконечно ниже божескаго, если даже и Ангелы не чисты предъ Богомъ,—и въ нихъ Онъ усматриваетъ нѣчто стропотное,—и они не знаютъ о днѣ и часѣ втораго пришествія Сына Божія, —и они желаютъ проникнуть въ тайну боговоплощенія (1 Пет. 1, 12).

Обыкновенно приводимыя для такого толкованія параллели доказываютъ совсѣмъ противное.

Ранѣе въ томъ же посланіи 8, 3 Апостоль говоритъ: „если кто думаетъ, что знаетъ что, (тотъ) еще не узналъ, какъ должно знать; если же кто любитъ Бога, *сей познавъ отъ Него εὶ δὲ τις ἀγαπᾷ τὸν θεόν, οὗτος ἔγνωσται ὑπ' αὐτοῦ*“. Прежде всего: рѣчь здѣсь о любви, какъ основѣ и выраженіи *познанія* не божескаго, а *человѣческаго* (τις), не познанія *человѣка Богомъ*, а познанія *Бога человекомъ*. Затѣмъ: по общему правилу мѣстоименіе *οὗτος*—*сей*, *этотъ* относится къ ближайшему предъ нимъ существительному (здѣсь *τὸν θεόν*—*Бога*), а не къ дальнѣйшему (здѣсь *τις*—*человѣкъ, кто*), какъ *ἐκεῖνος*—*онъ, тотъ*. Въ противномъ случаѣ естественно бы ожидать устраненія двусмыслія какимъ-либо образомъ. Слѣдовательно переводъ долженъ быть такой: „кто любитъ Бога, Сей (Богъ) познавъ отъ него (тѣмъ, кто любитъ Бога)“,—Бога знаетъ тотъ, кто любитъ Его. Рѣчь стало-быть о познаніи *человѣкомъ* Бога, а не *Богомъ* *человѣка*. Далѣе: очевиднѣйшею параллелью и полнымъ ручательствомъ правильности такого толкованія служить 1 Иоан. 4, 7—8: „*πᾶς ὁ ἀγαπῶν—γινώσκει τὸν θεόν, ὁ μὴ ἀγαπῶν οὐκ ἔγνω τὸν θεόν*: всякій любящій—знаетъ Бога, не любящій не позналъ Бога“. Наконецъ: если даже подъ *οὗτος* разумѣть *человѣка*, а подъ *ὑπ' αὐτοῦ* Бога, то и тогда получается существенное различіе между обоими

мѣстами, такъ какъ въ первомъ употребленъ простой глаголь *ἔγνωται* и субъектъ дѣйствующій указанъ выразительно, а во второмъ стоитъ сложный *ἐλευρώσθη* и безъ выразительнаго указанія на дѣйствующій субъектъ, что, какъ увидимъ, имѣеть рѣшающее значеніе для опредѣленія субъекта дѣйствующаго при этомъ глаголь,—кромѣ того, рѣчь здѣсь о познаніи не въ гносеологическомъ смыслѣ, какъ въ 1 Кор. 13, 12, а въ сотериологическомъ и нравственно-практическомъ.

Въ качествѣ второй параллели указываютъ на Гал. 4, 9: „но тогда (въ язычествѣ) вы, не вѣдая Бога, рабствовали не сущимъ по природѣ богамъ; теперь же, *познавъ Бога, вопрѣте же познанныя отъ Бога*, какъ обращаетесь опять къ немощнымъ и бѣднымъ стихіямъ... *οὐκ ἔγνωτε θεόν, ὃν λατρεύετε ὑποδούλους ὑπὸ θεοῦ*“. Но и здѣсь опять: о Богѣ употребленъ *γινώσκω*, а не *ἐπιγινώσκω*, и дѣйствующій субъектъ при страдательномъ не опущенъ, а указанъ выразительно. При томъ здѣсь рѣчь не о познаніи въ гносеологическомъ смыслѣ, какъ въ толкуемомъ 1 Кор. 13, 12, но о вѣрѣ и нравственно-практическомъ познаніи Бога человекомъ и человека Богомъ, т.-е. разумѣется спасеніе, совершаемое Богомъ не по закону дѣла, а по закону вѣры и милости. Такимъ образомъ, и здѣсь нѣтъ никакой параллели нашему мѣсту, или же есть антипараллель, доказывающая противное (*γινώσκω* и выразительное указаніе дѣйствующаго субъекта).

Тоже наконецъ и во Второз. 34, 10: „*Μωσῆς, ὃν ἔγνω κύριος· αὐτὸν πρόβουλον κατὰ πρόβουλον*“. И тутъ о Богѣ *ἔγνω*, а не *ἐπέγνω*,—залогъ не страдательный, а дѣйствительный, съ ясно выраженнымъ субъектомъ дѣйствующимъ,—и рѣчь о познаніи не въ гносеологическомъ отношеніи, а объ историческомъ фактѣ (Исх. 33, 11; Числ. 12, 8).

Надлежащее уразумѣніе мысли Апостола дается слѣдующими соображеніями:

1) Мы сказали, что для опредѣленія опущеннаго при *ἐλευρώσθη* субъекта дѣйствующаго имѣеть существенную важность этотъ, употребленный Апостоломъ, сложный съ предлогомъ глаголь. Сложность эта отгѣняетъ и нѣкоторую сложность выражаемаго глаголомъ дѣйствія или состоянія, его процессность, соотносимость и под. Примѣнимый къ че-

ловѣку, какъ существу ограниченному, условному и сложному,—онъ мало соотвѣтствуетъ представленію о Богѣ, какъ существѣ простомъ, безусловномъ, неограниченномъ и несоотносимомъ,—въ Коемъ „нѣтъ измѣненія и ни тѣни перемѣны“ (Іак. 1, 17,—ср. Числ. 23, 19; Мал. 3, 6 др.), или, какъ Филонъ выражаетъ это, „Богъ (Сущее, какъ сущее) не имѣетъ отношенія къ чему-либо“, т.-е. не изъ соотносимыхъ или условныхъ существъ (*οὐχὶ τῶν πρὸς τι*—De nom. mut. Wendl. 3, 161. § 27). Поэтому мы говоримъ о Богѣ простыми: вѣдаетъ, знаетъ, внемлетъ, зрѣть под., но неволью какъ-то избѣгаемъ сложныхъ: развѣдываетъ, разузнаетъ, познаетъ, присматривается, всматривается, вслушивается под. Такъ это и въ греческомъ библейскомъ языкѣ по отношенію къ употребленію простыхъ *γινώσκει*, *οἶδα*, *ὁρώ* и сложнаго *ἐπιγινώσκει*. Постоянно употребляемый о человѣкѣ (около 143 разъ), *ἐπιγινώσκει* можно признать неупотребительнымъ о Богѣ, такъ какъ въ канонѣ еврейскомъ онъ встрѣчается только одинъ разъ у Іерем. 24, 5 въ рѣчи пророка, въ будущемъ времени, и притомъ не въ гносеологическомъ значеніи „знанія“ и не для опредѣленія „познанія Божія“, а въ смыслѣ именно „признанія“, „опѣнки“, „опредѣленія качества“. И еще трижды у Сираха (15^{19/20}, 18^{10/12}, 44^{28/26}), при чемъ въ первомъ мѣстѣ рѣчь человѣкообразная (*ὁφθαλμοὶ αὐτοῦ*) и во всѣхъ—не въ гносеологическомъ значеніи „знанія“, а въ нравственно-практическомъ смыслѣ „признанія“. Въ Новомъ Завѣтѣ изъ 43 или 44 разъ глаголъ трижды употребленъ объ Иисусѣ Христѣ, конечно по Его человѣческой сторонѣ: Марк. 2, 8,—5, 30 и Лук. 5, 22,—и однажды о Богѣ—Отцѣ и Сынѣ вмѣстѣ, въ рѣчи Христа у Матѣ. 11, 27: *οὐδεὶς ἐπιγινώσκει τὸν υἱὸν εἰ μὴ ὁ πατήρ*, *οὐδὲ τὸν πατέρα τις ἐπιγινώσκει εἰ μὴ ὁ υἱός*, при чемъ прямыми и ближайшими подлежащими при глаголѣ являются *οὐδεὶς* и *τις*, т.-е. мыслятся на первомъ планѣ люди, а не Отецъ и Сынъ. Кромѣ того, имѣется важный вариантъ съ *γινώσκει* въ первомъ и опущеніемъ во второмъ, встрѣчающійся у такихъ древнихъ авторитетовъ, какъ код. С Ефр. Сир. 5 в. Лат. и Вульг: *novit* (а не *cognoscit*), Іуст. Муч. Tryph. 100 Otto ed 3 p. 356, D,—Евс. Contra Marcell 88 d вѣк. кодд. Дидимъ De Trin. 26. 72. Злат. къ эт. м. (Въ Сир. Кур. опущ. второе *ἐπιγινώσκει*,—въ Сир. Син.?). Кромѣ того, много цитатъ у древнихъ писате-

лей имѣемъ съ *ἐγγω* вмѣсто *ἐπιγινώσκει*: Clem. Homil. 17, 4,—18, 4. 13. 20 ed. Schwegl. 363. 383. 391. 397,—Маркосиане у Ирин. 1, 20. 3 ed. Stier. 222,—Иуст. Apol. 1, 63, otto 172, D ср. 174, B,—Клим. Алекс. Pott. 10. 109 425, 697. 866—Оригенъ ed. Rue. 1, 643. e, 726. a, 2, 537. d,—4, 284. b, 540, b дважды—Антиох. соборъ въ посл. Павла Самос. у Routh'a 3, 290,—Евс. Dem Evang. 149. b,—216, d,—С. Mrcl. 72. c (см. у Tregelles'a и Tischendorf'a). Нѣтъ, конечно, критико-текстуальныхъ оснований предпочесть этотъ вариантъ (кромѣ авторитетовъ за первое чтеніе говорить и то, что оно нисколько не препятствуется и теологически, ибо *ἐπιγινώσκει*, какъ мы говорили, ближе и прямѣе относится не къ Отцу и Сыну, а къ „никто“ и „кто“—*ни одинъ человекъ*, какъ въ сир.). Однакожь онъ въ высшей степени важенъ для насъ тѣмъ, что вскрываетъ, такъ сказать, психологію древне-христіанскаго обращенія съ терминами *γινώσκειν* и *ἐπιγινώσκειν*. Очевидно *ἐπιγινώσκει* о Богѣ также мало соотвѣтствовало теологическому сознанію древнихъ, какъ и на примѣръ „разузнаеть Богъ“ нескладно звучитъ для современнаго богослова.

Поэтому же и существительное *ἐπίγνωσις*, какъ и глаголь *ἐπιγινώσκει*, указывающіе какъ бы на усиленіе акта познаванія и на высшую ступень знанія собственно человѣческаго (Лук. 1, 4. 22,—24, 16, 31 ср. 1 Кор. 14, 37,—особенно 2 Кор. 1, 13—14 и 6, 9), изъ 20 случаевъ ни разу не употреблено о Богѣ въ Новомъ Завѣтѣ. Въ Ветхомъ же Завѣтѣ терминъ встрѣчается только 8 разъ, и ни разу—о Богѣ; тоже прилаг. *ἐπιγνώμων*—4 раза, и ни разу о Богѣ.

Вмѣсто того у Ап. Павла употребляются о Богѣ всегда только простыя: *γινώσκει* въ настоящемъ времени 1 Кор. 3, 20,—*ἐγγω*—аор. въ значеніи настоящаго 2 Тим. 2, 19,—*γνωσθέντες ὑπὸ θεοῦ* въ причастіи страдальнаго аориста съ указаніемъ на Бога, какъ дѣйствующій субъектъ Гал. 4, 9,—тоже въ 1 Иоан. 3, 20: *γινώσκει πάντα*,—и постоянно, за исключеніемъ трехъ вышеприведенныхъ случаевъ, въ евангеліяхъ даже о Христѣ, хотя Его человѣческая сторона допускала и употребленіе глагола *ἐπιγινώσκειν*: Матѣ. 12. 15; 16, 8; 22, 18; 25, 24; 26, 10; Марк. 8, 17; Лук. 7, 46 ср. 39; 16, 15; Иоан. (*ἐπιγινώσκει* совсѣмъ не употребляется—и о человѣкѣ) 2, 24. 25; 4, 1, 53; 5, 6. 42; 6, 15; 10, 14. 15. 27; 16, 19; 17, 26,—затѣмъ *οἶδα*: 2 Кор. 11, 11. 31; 12, 2, 3; 2 Пет. 2, 9;

Іоан. часто въ Евангеліи; Апокал. 2, 2. 9. 13. 19,—3, 1. 18. 15,—7, 14,—19, 12,—и *ὄραω* у Іоан. 1, 18; 3, 32,—6. 46,—8, 38.

Наблюденія эти со всею необходимостію статистики вынуждаютъ заключеніе, что Ап. Павель не могъ бы употребить сложный глаголь *ἐπεγνώσθη* о божественномъ вѣдѣніи въ гносеологическомъ смыслѣ. Какъ въ Гал. 4, 9; 1 Кор. 3, 20; 2 Тим. 2, 19 ср. 1 Іоан. 3, 20 и, если даже угодно, 1 Кор. 8, 3,—онъ поставилъ бы простой *ἐγνώσθη*, т. е. сказалъ бы: „тогда же познаю такъ, какъ и“ не: „познаю я“, или „познаюсь Богомъ“, или „познаётъ меня Богъ“, но: „знаемъ, знаюсь Богомъ“ или „знаетъ меня Богъ“. Стало-быть въ качествѣ субъекта дѣйствующаго при *ἐπεγνώσθη* Апостоль разумеетъ не Бога, а человѣка,—говорить не о *γνώσει* Божіемъ, а о *γνώσει* или *γνώσει* человѣческомъ, не о *θεογνωσίᾳ*, а о *ἀνθρωπογνωσίᾳ*.

2) Мы говорили уже, что въ первыхъ двухъ разъясненіяхъ (младенецъ и мужъ, зеркало-загадка и лицомъ къ лицу) темы (знаніе отчасти и знаніе совершенное) будущее совершенное познаніе человѣка раскрывается чрезъ сравненіе разныхъ ступеней или видовъ человѣческаго же познания. Это естественнымъ образомъ предрасполагаетъ и въ третьемъ, всецѣло первымъ двумъ соотвѣтствующемъ, разъясненіи видѣть сравненіе разныхъ ступеней или видовъ тоже *человѣческаго*, а не божескаго, познания.

3) Апостоль не далъ бы, о чемъ также было уже замѣчено нами, никакого ближайшаго поясненія относительно различія теперешняго и тогдашняго познания человѣческаго чрезъ сравненіе его съ познаніемъ Божіимъ, какъ недоступнымъ, по ученію самого же Апостола, сознанию человѣка и не умопредставимымъ для него (см. выше). Апостоль только повторилъ бы уже высказанное въ темѣ и совершенно отвлеченное положеніе, что тогдашнее человѣческое познаніе вмѣсто теперешняго несовершеннаго и частичнаго будетъ полное и совершенное, выразивъ притомъ эту простую мысль вмѣсто прежняго яснаго и прямого положенія въ весьма неясномъ и требующемъ толка: „какъ и познаюсь отъ Бога“ или „какъ и Богъ знаетъ меня“.

4) Да и теологически, повторимъ, уравненіе познания человѣческаго, хотя бы и будущаго и совершеннаго, съ по-

знаніемъ Божиимъ можетъ возбуждать недоумѣніе, ибо ни по содержанію, ни по объему, ни по качеству—человѣкъ никогда не въ состояніи имѣть такое же познаніе, какое имѣетъ Богъ о человѣкѣ,—во всѣхъ отношеніяхъ и о всѣхъ предметахъ познаніе человѣческое всегда должно оставаться ниже знанія божественнаго,—быть именно *познаніемъ*, а не *знаніемъ*, если даже „Ангелы и Самъ Сынъ“ по человѣческой природѣ Своей не обладаютъ такимъ знаніемъ (ср. выше).

5) Судя по 1 Кор. 8, 3 и Гал. 4, 9 при страдательномъ *ἐπευρόσθη* Апостоль поставилъ бы *υπό θεοῦ*, если бы говорилъ о познаніи Божескомъ. Если же онъ, вопреки своему обычаю, не дѣлаетъ этого, то очевидно при томъ только единственномъ условіи, что субъектъ дѣйствующій при страдательномъ „я=человѣкъ“ данъ уже въ самомъ глаголѣ *ἐπευρόσθη* и самъ собою ясенъ для каждаго читателя. А это возможно только тогда, когда дѣйствіе глагола обращено на самый же субъектъ дѣйствующій, т.-е. при *возвратномъ* значеніи глагола,—въ данномъ случаѣ: „я“—„отъ себя“. Поэтому переводъ и смыслъ изреченія будутъ: „теперь отчасти *узнаю*, тогда жъ *познаю* такъ, какъ и (я самъ) *познался* (*позналъ себя*)=*познаюсь* (*познаю себя*)“,—а въ славян: „*нынѣ знаю отчасти тогда же познаю, якоже и познахся*“. Теперешнее *знаніе отчасти* перейдетъ въ тогдашнее *самопознаніе*.

6) Въ поясненіе къ такому переводу замѣтимъ:

а., Уже въ греческомъ классическомъ языкѣ страдательное и среднее значенія глаголовъ для своего выраженія имѣютъ большинство общихъ формъ, не различающихся этимологически. Наиболѣе рѣзко это различіе дано въ прошедшемъ совершенномъ и аористѣ, но и здѣсь страдательное и возвратное значенія часто не различаются.

б., Въ діалектѣ *κοινή* такое смѣшеніе было еще обычнѣе, какъ надо думать на основаніи новогреческаго языка, многими и глубокими корнями своими, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, сидящаго въ почвѣ эпохи *κοινή*.

в. Въ частности для новозавѣтнаго языка можно указать: *ἐγεννήθη*—*γεννηθέν* Матѣ. 1, 16, 20,—(*προς*) *κολληθήσεται* Матѣ. 19, 5 и Ефес. 5, 31 изъ Быт. 2, 24, — *προεβλήθη* Дѣян. 5, 36,—*ᾤφθη* Дѣян. 26, 16,—*ταπεινώθητε* Іак. 4, 10 и 1 Пет. 5, 6,—*ἡ ἀγάπη ἐφανερώθη* 1 Іоан. 4, 9,— и у Ап. Павла Римл. 4, 20 *οὐ διεκρίθη τῇ πίστι, ἀλλὰ ἐνεδυνάωθη τῇ πίστει*, — 21

πληροφορηθείς,—6, 17—18 *παρεδόθητε—ἐδουλώθητε*,—1 Кор. 7, 11 *τῷ ἀνδρὶ καταλλάγητω*,—2 Кор. 5, 20 *κατάλλάγητε τῷ θεῷ*,—Рим. 5, 10 *κατηλλάγημεν τῷ θεῷ*,—1 Тим. 3, 16 *ἐφανερώθη, ὄφθη, ἀνελήμφθη*: ср. латин. *servari, delectari*—*servare se, delectare se* (Winer—Lünemann, *Grammatik des Neutestamentlichen Sprachidioms*, § 39. 2. S. 245).

г. Но по всему видно, что Ап. Павелъ *думалъ* на арамейскомъ языкѣ (т.-е. на своемъ природномъ, на коемъ говорили тогдашніе іудеи), а по-гречески только *писалъ* (ср. Дѣян. 21, 40 и 22, 2), переводя такъ сказать свои мысли на греческую рѣчь тогдашняго діалекта *κοινή*. Въ такомъ случаѣ возвратное значеніе *ἐπεγνώσθη* станетъ для насъ еще понятнѣе, ибо въ арамейскомъ языкѣ (сирскомъ и халдейскомъ) для страдательнаго и возвратнаго значенія существуетъ только одна форма, образующаяся чрезъ приставку спереди къ корню слога *эт* или *ит* въ формахъ *итпел*—*итпаал*—*иттафал* въ халдейскомъ и *этпел*—*этпаал*—*эттафал* въ сирскомъ. Эта страдательно-возвратная форма, именно *этпел* отъ глагола *йеда*—*познавать, сознавать, cognoscere*,—и стоитъ въ сирскомъ переводѣ греческаго *ἐπεγνώσθη*.

Итакъ, различіе между настоящимъ и будущимъ познаніемъ нашимъ Апостоль разъясняетъ указаніемъ на ту разницу, какая теперь существуетъ между нашимъ знаніемъ внѣшняго міра посредствомъ внѣшнихъ чувствъ тѣла душевнаго и между нашимъ самопознаніемъ, непосредственнымъ и внутреннимъ знаніемъ себя самихъ. Чрезъ внѣшнія чувства мы узнаемъ только образы предметовъ или феномены вещей, а не нумы ихъ, не внутреннюю ихъ сущность. Напротивъ самопознаніе даетъ намъ вѣдѣніе о самомъ внутреннемъ существѣ нашего я, о нашемъ духѣ, его природѣ, свойствахъ и проявленіяхъ,—самодостовѣрное и внутреннее познаніе. Не чрезъ умозаключенія, догадки и предположенія, какъ бы чрезъ зеркало и въ загадкѣ,—а непосредственно, самодостовѣрно и лицомъ къ лицу,—я познаю себя, ибо субъектъ познающій здѣсь есть и объектъ познаваемый. Это—старинное *γνώθι σεαυτόν* и позднѣйшее *cogito ergo sum* (ср. 2 Кор. 13, 5). Яснѣе, истиннѣе и достовѣрнѣе самопознанія для человѣка, какъ и для всякаго духовно-личнаго суще-

ства, нѣтъ и быть не можетъ никакого другаго знанія (1 Кор. 2, 11).

Причина такой перемѣны нашего знанія, по Апостолу, заключается въ томъ, что теперешнее наше *душевное* тѣло возрастаетъ въ тѣло *духовное*, вполне соответствующее духовной сущности нашего я и стоящее въ непосредственно-внутреннемъ общеніи съ божественнымъ міромъ идей или нуменовъ. Теперь эти идеи - нумены передаются человѣку только въ видѣ явленій - феноменовъ, чрезъ посредство внѣшнихъ чувствъ тѣла душевнаго. Тогда тѣло духовное станетъ въ непосредственное, внутреннее и духовное отношеніе и духъ будетъ отражать въ себѣ эти, родственныя ему, сущности по ихъ внутренней природѣ. Не извнѣ, а изнутри человѣкъ будетъ познавать то, что теперь онъ узнаетъ только извнѣ чрезъ зеркало тѣла душевнаго и въ загадкѣ.

Въ этомъ отношеніи,—т.-е. по способу и образу, а не по содержанію, объему и качеству,—человѣческое познаніе можетъ сходствовать и съ божескимъ знаніемъ. Какъ Богъ знаетъ все не чрезъ посредство какихъ либо внѣшнихъ орудій, но непосредственно и всецѣло и всегда созерцаетъ все въ Себѣ Самомъ, въ идеяхъ Своего Разума и въ Своемъ Логосѣ: такъ и человѣкъ, изъ душевности развившись въ духовность, будетъ въ себѣ самомъ познавать духовныя сущности бытія или божественныя идеи по ихъ внутренней природѣ. Такъ какъ Богъ будетъ все во всемъ (1 Кор. 15, 28), то и человѣкъ, какъ часть этого „всего“, познавая себя, станетъ познавать въ себѣ это „все“, — въ себѣ самомъ узреть Бога чистымъ сердцемъ (Матѣ. 5, 8), какъ и Самъ Богъ зреть все въ Себѣ Самомъ, но только совершеннымъ образомъ.

Здѣсь наше толкованіе соприкасается и съ древне-отеческимъ, такъ какъ истинное самопознаніе человѣка есть и богопознаніе. Разница въ томъ, что, по нашему, не богопознаніе служитъ у Апостола поясненіемъ къ человѣкопознанію, а наоборотъ—человѣкопознаніе или самопознаніе поясняетъ намъ недоступную для насъ тайну богознанія. Апостоль желаетъ сказать: человѣкъ будетъ познавать (все, слѣдовательно и Бога) такъ, какъ познаетъ онъ себя самого, — откуда выводъ: совершенство божескаго знанія состоитъ въ томъ, что Онъ знаетъ (все, слѣдовательно и чело-

вѣка) такъ, какъ человѣкъ познаётъ себя самого (сходство самознанія разумѣется, повторимъ, по образу и способу, а не по качеству, содержанию и объему),—богознание есть самознание. А не наоборотъ: человѣкъ будетъ познавать такъ, какъ познаётъ его Богъ, — откуда выводъ: человѣкъ познаётъ себя такъ, какъ познаётъ его Богъ, т.-е. невѣдомымъ (только вообще совершеннымъ) теперь человѣку образомъ. при чемъ не получила бы никакого поясненія въ словахъ Апостола.

Такимъ толкованіемъ дается чистѣйшее *теистическое* или религіозно-библейское представленіе о Богѣ, въ отличіе отъ *пантеистическаго* и *деистическаго*.

Разумѣя подъ Божествомъ личность, какъ бы ни опредѣлялась она, т.-е. существо живое, разумное и волящее, самознающее и любящее, — иначе будутъ только слова, символы, мертвые абстракты, а не Богъ, какъ сила живая—получаемъ такое различіе:

По *деистическому* воззрѣнію, Богъ внѣ человѣка и человѣкъ внѣ Бога.

По *пантеистическому* воззрѣнію, Богъ только въ человѣкѣ и человѣкъ есть Богъ (внѣ человѣка нѣтъ Бога, какъ личности).

По библейскому и религіозно-*теистическому* воззрѣнію, человѣкъ (какъ личность ограниченная) въ Богѣ (личности безграничной) и Богъ не внѣ человѣка и не въ немъ только, но надъ человѣкомъ и вокругъ него, ибо „мы въ Немъ живемъ и движемся и существуемъ“ (Дѣян. 17, 28),—„все въ Немъ (Сынъ Божіемъ, Образъ Бога Невидимаго, Посредникъ міротворенія и Спаситель) состоитъ“ (Кол. 1, 17 ср. 13 — 20),—и „будетъ Богъ все во всемъ“ (1 Кор. 15, 28).

Получается такая схема разсужденій Апостола въ 1 Кор. 13, 9—12:

Тема: теперешнее значеніе отчасти сдѣляется тогда совершеннымъ.

Первое частное поясненіе: совершенство тогдашняго знанія будетъ представлять такое же развитіе теперешняго знанія, какимъ является знаніе взрослого человѣка по сравненію съ его младенческимъ умомъ.

Второе частное раскрытіе темы: совершенство тогдашняго знанія выразится въ томъ, что это не будетъ уже нашимъ теперешнимъ узнаваніемъ внѣшнихъ явленій феноменовъ чрезъ посредство внѣшнихъ чувствъ, какъ чрезъ зеркало и въ загадкѣ, — умозаключительнымъ и предположительнымъ, — но познаніемъ самой внутренней природы вещей или нуменовъ — непосредственнымъ и лицомъ къ лицу.

Третье частное разъясненіе общей темы: тогдашнее совершенное знаніе отъ теперешняго знанія отчасти будетъ отличаться тѣмъ же и такъ же, чѣмъ и какъ теперешнее наше знаніе о внѣшнемъ мірѣ посредствомъ внѣшнихъ чувствъ отличается отъ нашего теперешняго же знанія себя самихъ или непосредственнаго самопознанія: т.-е. это — не узнаваніе внѣшнихъ только явленій - феноменовъ посредствомъ чувствъ гадательно, чрезъ зеркало тѣла душевнаго и по-младенчески, но познаніе внутренняго существа вещей или нуменовъ, — непосредственное, чрезъ самопознаніе, чрезъ внутреннее проникновеніе духовнымъ тѣломъ въ міръ идей и чрезъ единеніе духа съ Божествомъ.

Прибавленія: къ стр. 301 стро. 13—15 сверху: кромѣ указанныхъ Мате. 24, 36 и Марк. 13, 32 ср. еще Іова 4, 18 по LXX и 9, 7 нѣк. ср. 25, 5 Евр. 2, 7 изъ Пс. 8, 6. Къ стр. 307 стро. 19 св. Дѣян. 26, 14. Стро. 21: *ида* = евр. י-ו' стоитъ не только въ возвратно-интенсивной формѣ *этпел*, но и въ perfectum'ѣ (פּוּ-וּלַח), которое можетъ указывать и на неопредѣленное время, подобно нашему настоящему и греческому хористу гномическому; Къ стр. 309 стро. св. Ср. Евр. 2, 10 др.

М. Муретовъ.